

Далекое-близкое

МАКСИМ, ЕЩЕ МАКСИМ!

А был он певцом уникальным. В справочниках того времени — это начало пятидесятых — его «форте» приближалось к 90 децибелам. Рядом находился лишь незабвенный Александр Пирогов — тоже бас. Родился в деревне Кольцовка Казанской губернии. Уже в шестнадцать односельчане начинают им гордиться — ничего подобного во всей округе не сыскать. Вот ведь как природа распорядилась — поет, аж мурашки по коже. Словом, вытолкали земляки Максима в метрополию — в Казань. Пусть учится. А тут как назло — первая империалистическая. Пришлось отложить честолюбивые замыслы на потом. «Потом» состоялось лишь через десяток лет — в 1924 добрался до Москвы. Услышал его спящий по возрасту из Большого театра Осипов — обомлел: ничего подобного слышать не приходилось, а ведь еще Шаляпин на слуху. Какой тембр, сочность, густота...

Остальное досказывает внук Максима Дормидонтовича Михайлова — тоже Максим, но Игоревич и на 70 лет моложе деда.

— Дед, как говорят профессионалы, пел «природой», но чувствовал, что нуждается в вокальной школе. Начинать в Казанском детском хоре, потом переехал в Омск, а в 1924-м — в Москву.

— Но взяли его в Большой только через восемь лет. Не поздно ли?

— Это как сказать. Устроился протодьяконом в Елоховской церкви. Правда, до этого пел на 3-й улице Ямского поля в храме Василия Кессарийского.

— Согласитесь, Максим, явление для Большого неординарное. В Большой берут из храма. Как это произошло?

— Легенд много. Одна из них:

о нем узнал Сталин. Пригласил к себе: «Вы поете для части народа, теперь будете петь для всего советского народа». Дед: «Так ведь образования нет, Иосиф Виссарионович». Сталин (хитро прищурившись): «У меня тоже три класса семинарии. Так что из этого?». Но то всего лишь легенда. Историки могут меня и поправить.

— Ну а дальше?

— Дальше — работа. Дед любил и умел трудиться. Общався с такими мастерами, как Надежда Обухова, Сергей Лемешев, Марк Рейзен, он стремился постичь их тайны владения вокалом. И вот ему, бывшему про-

тодьякону, поручают первую оперную партию — Митюхи в «Борисе Годунове». А уже через год — исполнение мечты: Пимен в этой же опере. Успех необычайный — и сразу же новые работы: Варяжский гость в опере «Садко», Кончак в «Князе Игоре», Дед Мороз в «Снегурочке», Гремлин в «Евгении Онегине»...

Но наибольший успех на долю Максима Дормидонтовича, конечно, выпал в «Иване Сусанине».

— Впервые он выступил в этой партии 17 марта 1939 года. И с тех пор спел ее на сцене Большого 400 раз. Кажется, так и вошел в историю в образе костромского крестьянина, пожертвовавшего своей жизнью ради спасения Отчизны. Если не ошибаюсь, он и завершил свою творческую карьеру этой партией. Последний раз спел ее 17 января 1957 года.

— Максим, когда ваш дед умер, вам было девять лет. Что он вам рассказывал? Был ли доволен своей жизнью?

— Он был оптимистом. С юмором у него тоже все в порядке. Был у него друг на радио — скрипач Сергей Яковлевич Мадатов. Однажды встретил деда на репетиции, решил над ним подшутить: «Что-то ты, Максим, окать перестал. Да и мощи не чувствуется». «Сережа, — пома-

нил его пальцем дед, — тебя берегу. Если окну — ноги у тебя подкосятся».

— А ведь действительно не шутил ваш дед. Его 87 децибел немалого уступают шуму взлетающего Ту-134.

— У Максима Дормидонтовича был «бас-профундо».

— Добавим, как писала пресса тех времен, «редкий по красоте и мощи». Современники сравнивали Михайлова с Соловьем-разбойником. Помните: «Как засвищет Соловей по-соловьиному, так все травушки муравы улетаются...»

— «...все лазуревы цветочки осыпаются, мелки лесушки к земле да преклоняются...»

— Как, кстати, он относился к приметам? Говорят, певцы носят с собой талисманы. Люблю Паваротти, например, не расстается с подковой...

— Дед не расставался с соевым огурцом. Не чурался и рюмки. А от огурца, был убежден, «голос только крепчает». Это действительно так. По себе сужу.

— О вас чуть позже. Не досадно ли вам, внуку знаменитого певца, что так мало снято фильмов с его участием?

— Что поделаешь — это удел многих певцов его поколения. И все же он успел сняться в фильме «Иван Грозный» в роли протодьякона. Отснят и фильм «Князь Игорь» с его участием.

— Доводилось ли ему бывать за рубежом? В те годы ведь не

особенно приветствовали поездку наших артистов «за бугор»?

— И все же ему удалось побывать с гастролями в Норвегии, Швеции, Италии, Индии и практически во всех, как тогда говорили, странах социализма.

— Максим, мы хоть и с позданием, но все же хотим поздравить вашу семью со столетием Максима Дормидонтовича. Странно, что страна, которую он так прославил, как-то тихо и незаметно отметила его столетие...

— Почему же — по радио о нем говорили, была ему посвящена и телепередача.

— А что же родной театр?

— В ноябре будет проведен юбилейный вечер, посвященный памяти деда.

— Максим Дормидонтович был верующим человеком. Как он относился к Богу, уже будучи прославленным певцом?

— Он верил в него до последних дней и ушел в иной мир, постригшись в монахи. Его сломала тяжелая болезнь, которую он переносил стоически. Считал, что это Божья кара за то, что он ушел из церкви.

— Максим, вы тоже солист Большого театра. И тоже бас. Вас не пугает, что вас могут поневоле сравнивать с дедом?

— Мой отец тоже был басом и тоже пел в Большом. Доводилось ему выступать даже вместе с

Максимом Дормидонтовичем. Вот это, я вам скажу, испытание...

— Несколько слов о себе...

— Окончил Гнесинское училище. Два факультета — оркестровый по классу тромбона и вокальный. В ГАБТе с 1981 года. Сначала солистом оркестра, а с 1987-го — солистом оперы. Наверное, гены сработали. Успел уже выступить в партии Скомороха в опере «Сказка о царе Салтане» и в большой партии Додона в «Золотом Петушке». Недавно принял участие в международном конкурсе вокалистов в Вене. Как раз накануне столетия де-

да, в июле, получил третью премию. Теперь меня как лауреата ждут гастролы. Получил приглашение сразу на три партии в оперных спектаклях в Австрии. Одна из них — мечта юности — Фигаро в опере В.-А. Моцарта «Свадьба Фигаро».

— Итак, певческая династия продолжается?

— Не совсем. У моих двух дочек, Насти и Любы, пока музыкального таланта не наблюдаю. И слава Богу. Должна же когда-нибудь природа отдохнуть...

Анатолий ЖУРИН.

На снимке: два Максима. Снимок 1964 года.